

В прошлом номере мы познакомили вас с размышлениями о Великой Отечественной войне известного писателя Станислава Куняева. Письма, в которых не только исторически, но и болево, даже сердечно, затрагивается военная тема, продолжают приходить. Казалось бы, сколько лет-то прошло со дня окончания Великой Отечественной!

Наш давний автор и читатель Валерий Ильичев решил поделиться с вами, дорогие читатели, своими горькими раздумьями...

— Я как старший по званию офицер должен был вмешаться и не допустить расправы над пленными немцами. Но ясно понимал, что этого мне не дадут сделать наши солдаты, товарищи которых погибли в этом ожесточенном бою. Война — дело жестокое.

Эту суровую истину подтверждали и другие услышанные мною рассказы фронтовиков.

В 123-м отделении милиции постоянно дежурил дружинник Анатолий. Этот одинокий человек готов был в любой момент выехать с нами на место происшествия в качестве понятого. Однажды в жаркий день он пришел в открытой рубаш-

Отремел салют в честь 71-й годовщины победы в Великой Отечественной войне. До глубины души трогательно прошла массовая акция «Бессмертный полк», доказавшая скептикам, что в нашей стране «никто не забыт и ничто не забыто». И справедливость по отношению к нашим ветеранам требует, чтобы молодое поколение знало, какими лишениями и жертвами сопровождалась те огненные годы. Современные историки все большее значение придают воспоминаниям детей войны, которые являются хранителями историй, поведенных их отцами и старшими братьями. Эти рассказы не были похожи на книжные подвиги и сюжеты из фильмов. Я долгие годы проработал в милиции рядом с бывшими фронтовиками, и некоторыми из рассказанных ими историй мне хочется поделиться с читателями.

В детстве я был поражен рассказом отца Аркадия Семеновича о трагедии, разыгравшейся в ходе сражения за Сталинград. После ожесточенного боя солдаты вели вдоль берега Волги двух пленных немецких солдат. Внезапно им наперез бросилась девушка-санструктор, у которой только что погиб любимый человек. Она, громко проклиная врагов, застрелила пленных из ракетницы. И, продолжая рыдать от отчаяния, пошла прочь от места расправы, с безнадежностью осознав, что учиненная расправа не поможет вернуть к жизни дорогого ее сердцу человека. И отец с горечью признал:

ке, из-под которой было видно обезображенное ожогами тело. И Анатолий, заметив наши взгляды, рассказал:

— Летом 1942 года вышел приказ И. В. Сталина «Ни шагу назад». За бегство с поля боя и брошенную военную технику полагался расстрел. В одном из сражений наш танк загорелся. А я боюсь покинуть боевую машину. Но когда огонь начал пожирать тело, не выдержал, выскочил и, катаясь по земле, сбил пламя. Направились ко мне санитары. Но тут вновь вражеские танки пошли в атаку. Санитары испугались и побежали от меня к санитарной машине. Но тут им наперерез выскочил военврач небольшого росточка в очках и, размахивая пистолетом, заставил погрузить меня в санитарную машину. Нам удалось уйти из-под обстрела. Потом был госпиталь. Ожоги я получил страшные, но зато из-за этого увечья под трибунал не попал. Суровое было время.

А мы, глядя на изуродованное огнем тело бывшего танкиста, с сочувствием понимали, почему этот человек так и не смог создать семью и остаться одиноким на всю жизнь.

Вместе со мной работал в уголовном розыске 123-го отделения милиции бывший фронтовик А. Д. Чекменев, который рассказал, как едва сумел избежать трибунала:

— Я прибыл на фронт в 1943 году. В минуты затишья по неопытности пошел вечером на болото за ягодами для пополнения рациона. Тут меня и накрыло минометным обстрелом. Со страху я поскакал по кочкам к своим окопам. Добрался до своего расположения и тут обнаружил, что потерял на болоте выданную накануне гранату. Доложил, как положено, старшине, а он пригрозил за утрату оружия без боевого столкновения отдать меня под трибунал. Дал два часа, чтобы найти гранату в темноте на болоте. Я рассказал о своей беде старо-

ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА

№ 227

«28» июля 1942 г.

г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге, хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Куянск, Волуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских ресурсах ни в запасах хлеба. Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, что страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются живыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв! Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрилиях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Огненным железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: «Ни шагу назад!» без приказа высшего командования. Единственной причиной ухода с позиций может быть только смерть!

Когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 рот из бойцов и около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины. А наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины не имеют такой дисциплины и терпят поражение.

ПРИКАЗЫВАЮ: Сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов по восемьсот человек. Сформировать в пределах армий от пяти до десяти штрафных рот по двухсот человек в каждой, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

КОМАНДИРАМ И КОМИССАРАМ ДОВЕСТИ ДО ВСЕХ ФРОНТОВ, АРМИЙ, СОЕДИНЕНИЙ, ФЛОТОВ, ДИВИЗИЙ, БАТАЛЬОНОВ, РОТ И ВЗВОДОВ!

НАРКОМ ОБОРОНЫ СССР И. СТАЛИН

служащим. Они меня обложили матом за то, что поспешил доложить начальству. А потом выменяли у солдат из соседнего взвода за спирт гранату, которую я предъявил суровому старшине. Сейчас тот эпизод кажется забавным, а тогда вполне могли за потерю гранаты уечь в штрафбат.

Схожую историю рассказала эксперт-криминалист из УВД Москвы С. И. Файнштейн. Она ушла добровольцем на фронт и воевала связисткой под Ленинградом. Однажды ей пришлось в окружении вместе со своими однополчанами трое суток стоять по грудь в стылой воде под обстрелом. В одном из боев разведчики взяли в плен немецкого солдата. Его надо было срочно допросить, а переводчика ранило. Тут вспомнили, что Соня знает немецкий язык. Попросили помочь. Она согласилась. Несмотря на баварский диалект немца, сумела его допросить и выяснить важные сведения. Разведчики остались довольны. А на следующий день ее вызвал к себе встревоженный командир:

— Ты, Соня, попала в беду. Из опасения вражеской агитации существует строгий запрет на общение с пленными немцами наших воинов, кроме сотрудников особых отделов и разведчиков. Поступил донос о твоём несанкционированном участии в допросе языка, и тебя надо отдавать под трибунал. Но судьба даёт тебе шанс. Накануне пришел запрос о направлении с передовой людей на курсы военных переводчиков. Я возьму ответственность на себя. Скажу, что ты по моему приказу осуществляла допрос для проверки пригодности к обучению. Срочно собирайся, бери предписание — и чтобы к утру тебя уже в расположении части не было.

С. И. Файнштейн с благодарностью вспоминала командира, спасшего её от трибунала.

Едва избежал неприятностей в годы войны и профессор Академии МВД СССР Д. В. Гребельский. В составе диверсионной группы в начале 1944 года он вместе с товарищами получил приказ перед заброской в тыл противника провести учения по подрывному делу в подмосковном лесу. По молодости лет решили уничтожить противотанковый «еж». Объект от заложенной мины развалился на куски. Довольные курсанты возвратились на учебную базу. А вечером Гребельского вызвали к полковнику.

— Слушай, поступил сигнал, что ваша группа в целях ослабления обороноспособности Москвы под видом учений совершила диверсионный акт, уничтожив противотанковое сооружение. И вам не помогут никакие доводы, что враг далеко отброшен от столицы. Придется мне издать задним

числом приказ о задании взорвать оборонный объект для приближения учений к реальным боевым условиям.

И после долгих лет, прошедших после войны, Гребельский с благодарностью вспоминал человека, спасшего его с товарищами от крупных неприятностей.

Но не всегда военные истории заканчивались благополучно. В памяти остались также истории, сломавшие судьбы людей.

В 1965 году при сбыте на Дорогомиловском рынке краденых вещей задержали вора. При нем оказалась справка об освобождении, в которой указывалось, что он был осужден на двадцать лет за государственную измену. Задержанный преступник сразу признался в кражах личных вещей в бараках возле Киевского вокзала. Он брал в общепитиях оставленную без присмотра одежду и продавал, добывая деньги на пропитание. При допросе он заявил, что рад своему задержанию:

— Я отсидел в колонии двадцать лет и на свободе уже жить не смогу. Вы спрашиваете, за что такой долгий срок получил? Так все из-за войны. Жил в деревне, пока в 1944 году в армию не призвали. Сразу попал на передовую. Оказался в плену. В свои девятнадцать лет виселицы боялся и не хотел с голоду умереть. Когда немцы в концлагере предложили с ними тайно сотрудничать, согласился из страха. Но никому вреда не причинил. Да и что я мог сообщить? Только о настроениях среди пленных и мелких кражах еды. Освободила нас Красная армия внезапно. Немцы не успели документы уничтожить, и моя подписка о секретном сотрудничестве в контрразведку попала. Никакие оправдания, что никого не выдал, не помогли. Осудили на двадцатку. Хорошо хоть на виселицу не вздернули. Отсидел за колючей проволокой от звонка до звонка. А если бы не война, все было бы как у людей: дом, семья, дети. А теперь сгнию на зоне.

Нам было искренне жаль этого человека с изломанной судьбой.

Интересен и другой случай из истории войны. В конце семидесятых годов во время командировки в Минск я шел по улице вместе с сотрудником МВД Белоруссии. Внезапно к нему подошел мужчина и долго благодарил за доброе к себе отношение.

Когда он ушел, сотрудник рассказал историю бывшего участкового уполномоченного:

— На этого человека периодически приходили доносы о том, что в годы войны он служил в полиции. Автор анонимных писем утверждал, что сам видел его рядом с родным селом в ненавистной

форме и с повязкой на рукаве. Односельчане не подтверждали такого факта. Парню перед приходом Красной армии едва исполнилось семнадцать лет, и он постоянно был у всех на виду. Когда в очередной раз пришел донос, его передали мне для служебной проверки. Конечно, я мог отобрать образцы почерка у всех жителей села, провести экспертизу, вычислить автора подметных писем и заставить дать показания. Но после войны прошло более четверти века, до пенсии участковому оставалось несколько месяцев. К тому же было ясно, что даже если паренька насильственно мобилизовали в полицию, то он находился в услужении немцев всего одни сутки и не успел совершить преступлений. И чтобы не калечить жизнь человеку из-за нескольких часов ношения формы предателя, я формально опросил односельчан и списал донос в архив. Уже после ухода на пенсию он мне тайком признался, что его действительно заставили вступить в полицию перед самым освобождением села советскими войсками. Но он сразу сбежал и прятался у реки, пока на следующее утро не увидел наших солдат. Утопив форму, он прибежал домой. Но кто-то из односельчан заметил его в прибрежных кустах и потом мучил доносками, испытывая неприязнь к сотруднику милиции. В общем, он мне благодарен за проявленное сочувствие.

Другую необычную военную историю рассказывал преподаватель Академии МВД СССР В. Я. Коломиец:

— В конце шестидесятых годов я, молодой оперативный сотрудник, вызвал на профилактическую беседу состоящую на учете женщину. Судя по документам, она в 1944 году в составе разведывательно-десантной группы была заброшена в тыл к немцам для связи с местным подпольем. А на следующий день на явочной квартире их всех задержало гестапо без единого выстрела. Через три месяца, когда наши войска освободили город, из всей группы в тюрьме обнаружили живой и невредимой только ее. Остальные были расстреляны. Ее заподозрили в предательстве. На допросах она утверждала, что ее не избивали и не требовали назвать явки, пароли. Лишь за все время два раза приводили на допрос к благодушному гестаповцу, который, явно скучая, расспрашивал ее о довой мирной жизни. Именно невероятность ее показаний заставила наших опытных контрразведчиков серьезно заняться их проверкой. В ре-

зультате появились веские основания полагать, что о прибытии в город наших десантников сообщил предатель из местного подполья. Стали анализировать все факты провалов и арестов во время оккупации. И сомнений не осталось: на гестапо длительное время работал кто-то из руководства подполья. И гестаповцы в целях зашифровки своего ценного агента, которого планировалось оставить в нашем тылу, решили создать впечатление о предательстве молоденькой десантницы. Настоящего предателя так и не нашли. Возможно, он ходит сейчас по школам и рассказывает о своих подвигах во время войны. А с девушки подозрений не сняли и для подстраховки оставили на оперативном учете. В результате она не смогла устроиться на хорошую работу и мыла полы в столовой. В конце беседы она сказала, что лучше быть убитой немцами, чем жить под подозрением в предательстве.

Война калечила не только тела, но и души. В 1967 году, узнав, что я был на свадьбе у секретаря отделения милиции Лиды, ко мне подошел участковый уполномоченный Л. Он стал расспрашивать о женихе, достоин ли он такой красивой женщины. Меня удивил интерес уже немолодого человека к молоденькой девушке, и Л. вынужден был пояснить:

— Я перед войной успел жениться на девушке из нашего села. Любил ее очень. Призвали меня в 1943 году. И вскоре стали приходить мне письма от односельчан о том, что моя молодая жена сожительствует со стариком — председателем колхоза. Я не мог поверить и после демобилизации поехал к себе домой. А жена мне заявила:

— Ты воевал, а мне надо было малых сестер с больной матерью от голода спасать. А председатель нам продукты подкидывал. Если не можешь простить, то уезжай и душу мне не рви.

Я подался в Москву, стал работать в милиции. Вновь женился, сын уже выше меня вымахал. Все вроде хорошо, а душа не успокаивается. Эта секретарь Лида на лицо — вылитая моя первая жена. Как ее вижу, сердце от боли заходится. Эх, война проклятая: пуля пощадила, а судьбу надвое переломала!

И было искренне жаль этого седого человека, который продолжал любить свою первую жену, с которой его разлучила война.

Эти невеселые истории подтверждают горькую истину: война — дело жестокое.